
КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Рафаэль Жерусальми. Братство охотников за книгами.**Пер. с фр. А. Смирновой. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2020. — 384 с.**

Вымышленная биография Франсуа Вийона (1431, 1432 — после 1463, но не позднее 1491), — французского поэта-разбойника, приговоренного к смертной казни, замененной в 1463 году изгнанием. Далее его следы теряются. Когда он умер, неизвестно. Израильский писатель Рафаэль Жерусальми домыслил биографию поэта, начиная с того момента, как его помиловали. В тюрьме Вийона навещает посланник Людовика XI и предлагает выполнить тайную миссию, цель которой — помочь распространению ненавистного Ватикану свободомыслия. Начинается странствие Вийона. Улочки Парижа, площади Флоренции, Святая земля времен мамелюков: пустыня, затерянный в горах монастырь — замаскированный и охраняемый наемниками монголами форт, священный для евреев город Цфат, подземелья Иерусалима... Французские рецензенты определили жанр книги как смешение авантюрного, шпионского, детективного и интеллектуального романов. Опасные приключения, погони, конспирология, шпионские интриги, резкая смена ситуаций. Главный герой — сам Вийон, неожиданно для себя ставший агентом короля Франции. Среди героев — друг Вийона, такой же разбойник (кракелюр), прелестная берберка, члены братства охотников за книгами. И вполне реальные люди: печатники Иоганн Фуст, Петер Шеффер и его помощник Иоганн Гутенберг, а также Лоренцо Медичи (еще не Великолепный), флорентийский философ Фичино, мореход Колумбо и его сыновья. Среди главных «героев» — книги. Те, что печатает привлеченный Вийоном на службу короля Фуст — тома из королевских архивов и тайных собраний Парижской епархии. Книги семейства Медичи, на переплетах которых — герб Медичи, а вместо девиза некий орнамент, смешение древнееврейских мотивов и причудливых арабеск. В самом центре Галилеи в католическом монастыре прячут и переписывают еретические сочинения. Сюда привозят запрещенные папой труды непокорного кардинала Николая Кузанского, тайные заметки Фичино о «Герметическом корпусе», восточный трактат о воле. В священном для евреев городе Цафте знаменитый ученый раввин Гамлиэль, состоящий в переписке с учеными из Нюрнберга, профессорами из Турина, докторами из Амстердама, руководит одной из самых прославленных в мире еврейских академий. Здесь ведут каталог книг, где регистрируются сотни рукописных и напечатанных сочинений с датой и местом выхода их в свет, а также указанием библиотеки или другого места, где они хранятся. При первом известии о пожаре или разграблении равви сверялся со списком и выписывал и высылал на замену пострадавшим копии погибших книг из других

библиотек. Книги переписывают и в подземном Иерусалиме. Секта ессеев у Мертвого моря хранит кувшины со священными свитками. Монахи в монастыре, набожные школяры в Цфате, ученые Платоновской академии, основанной Медичи в окрестностях Флоренции, проверяют подлинность каждого документа. Братство охотников за книгами после пожара, уничтожившего Александрийскую библиотеку, предлагает свои услуги всем правителям-тиранам, жаждавшим знаний и власти. Еретики, алхимики, бунтовщики ученые пользуются их услугами, дабы уберечь от костров свои труды: на хранение к охотникам за книгами поступают рукописи арестованных известных авторов и ученых-гуманистов. В одном из укрытий Вийон обнаружил и собственные тексты. Католики, евреи, аристократы объединяются для сохранения знаний. Но книги — это не только кладезь мудрости, но и оружие, с помощью которого власть имущие хотят добиться своей цели. Людовик XI и семейство Медичи предполагают использовать печатное и рукописное слово, чтобы подорвать авторитет папского престола, выступить против Рима с книгами вместо оружия. В союзе с ними действуют евреи в надежде, что король Франции гарантирует, что при его правлении на Святую землю не будет предпринят ни один новый крестовый поход. Тайная миссия Вийона и заключается в том, чтобы найти особые тексты, восходящие к Иисусовым временам, с помощью которых король французский, даром что позднее признанный святым, смог бы бороться с влиянием папы римского на своих землях. И главное — артефакт, подлинную запись беседы Иисуса с первосвященником Анной перед тем, как тот передал его Канафе, а Канафа — Понтию Пилату. В Святой земле, «где важен каждый шаг, где каждое мгновение бросает новый вызов, где тело и душа всегда должны быть настороже», Вийон постигает замыслы тех, с кем имеет дело. Он пробует разрешить загадки: кто и в какие игры играет, кто какие цели преследует. Он хочет понять свою роль в сложной и опасной игре. Марионеткой в чужих руках он не станет и очень неожиданно распорядится уникальным артефактом. В этом приключенческом романе, воссоздающем многоцветный мир зари Ренессанса, есть важный, проходящий через всю книгу вполне актуальный посыл. Информация решает все, и всегда власть имущие пытаются овладеть ею, поставить себе на службу, манипулировать с ее помощью общественным мнением. Ведь «зернышко сомнения, принесенное ветром, всходит лучше, чем истина, которую старательно сажают в распаханную землю, поливают и удобряют». Другая эпоха, другие средства информации, методы те же. Но что бы об этом не думали Иерусалим и Медичи, Вийон считает, что положение вещей меняют стихоплеты, а не ученые и философы. И срывает планы власть имущих. «Рафаэль Жерусальми создает пространство, пульсирующее звуками, запахами, цветами и ощущениями. Глубокий и увлекательный роман во славу книг и свободы, столь же невероятный, как и его герой Франсуа Вийон» («Ла Круа»).

Павел Фокин. Достоевский. Перепрочтение. М.: РИПОЛ классик, Пальмира, 2020. — 288 с. (Серия «Лаборатория»).

«Перепрочтение» Достоевского как исследование пророчеств писателя, воплотившихся в наши дни. Историк литературы Павел Фокин, анализируя проблематику произведений Достоевского, констатирует, что писатель, остро чувствуя надвигающуюся на мир эпоху радикальных преобразований, изучал в своих книгах проблемы своего времени, оказавшиеся ныне остроактуальными. Так, Достоевский угадал нарождающийся социокультурный тип, который в середине XIX века только начал формироваться: инфантильный взрослый человек, исключенный из реального процесса жизнестроения. Как продолжение темы — категории отцовства и материнства в произведениях

писателя. Безответственность отцов, не желающих взять на себя руководство детьми, ответственность за них, потеря отцами авторитета у детей, крушение самого института отцовства, одного из механизмов социальной динамики, приводящего в движение колесо национальной истории. В понимании Достоевского, все подвиги и поражения отцов отражаются в судьбах их детей, стимулируют жизненную активность новых поколений, задают вектор развития и ценностные ориентиры. По Достоевскому, задача матери — не только одеть и накормить, но и озаботиться духовным здоровьем своего ребенка. Полярные образы: генеральша Ставрогина, не жалевшая денег на сына, но ни разу не благословившая его, и вдовая Пульхерия Александровна из «Преступления и наказания», до конца жизни волновавшаяся: молится ли ее Родя Богу? П. Фокин отмечает, что все романы Достоевского — о молодых людях, что писатель считал детство базовым компонентом биографии героя, что именно детские впечатления формируют характер и душу человека. Понять же саму природу молодежного типа сознания и поведения писатель попытался в романе «Подросток», по-новому осмыслив эту проблему. Достоевский, исследователь не столько событий, сколько процессов, во всех своих романах показывает героев в динамике развития, с детства. Опираясь на открытия Достоевского в области подростковой психики, Фокин поясняет, почему сегодня именно подростки являются важным объектом манипуляции массовым сознанием. По мнению автора, Достоевский выявил «ген власти» и «одним из первых в русской литературе предпринял комплексное художественное исследование природы социального лидерства», изобразив несколько типов лидеров. Лидеры формальные (генерал Епанчин и фон Лембке) и неформальные (генеральша Ставрогина, старец Зосима). Самозванцы (Голядкин-младший и Фома Опискин) и серые кардиналы или скрытые лидеры (Лебедев, Петр Верховенский, Смердяков). Именно Достоевский, по мнению автора, выступил и как первооткрыватель типа харизматической личности в русской литературе. Первой попыткой стал образ Раскольникова, далее — князь Мышкин, Николай Ставрогин, Версилов, Алеша Карамазов. У Достоевского харизма — дар и испытание, знак присутствия в человеке мистического начала. «Нереализованность харизматического потенциала чревата драматическими последствиями. Подобная слепота может привести к трагическому исходу и погубить самого харизматического лидера». «Достоевский — писатель мистический», утверждает П. Фокин и обращается к одному из центральных конфликтов, поднятых Достоевским: к борьбе Добра и Зла в душе человека, к борьбе человека с нечеловеческими силами за личностную индивидуальность и самостоятельность. Наибольшей агрессивностью в соответствии со своей природой, по мысли Достоевского, обладают силы Зла. Они, бесы, бьются за свое воплощение в персонифицированном облике с необычайной жестокостью и жестокостью, не брезгуя никаким материалом — будь то аристократ духа Ставрогин или ублюдок Смердяков. Особенность книги Фокина, ярких, насыщенных мыслями эссе, в том, что все проблемы, поднятые писателем, рассматриваются в их эволюции: зарождение, развитие от книги к книге. Так по мере взросления и обретения жизненного опыта внимание Достоевского переключается от несчастий людей среднего интеллектуального уровня («маленьких людей») «на интеллектуальные беды *практического человека*, ищущего возможности *креативного участия* в жизни социума и предлагающего ему *перспективные варианты развития*». Эволюцию претерпевают от романа к роману и герои: на смену мечтателям приходят социально активные персонажи, герои-деятели и герои-контрдеятели, затем и герои с новым типом сознания: аналитики и идеологи. От романа к роману развивается интерпретация конфликта отцов и детей. В «Бесах», отмечает исследователь, Достоевский впервые целенаправленно сосредотачивает внимание на проблеме отцов и детей не как на драме общече-

ловеческого содержания, а как на актуальном вопросе национальной действительности. Широчайшим образом тема «Отцы и дети», их взаимоотношения представлена в романе «Братья Карамазовы». Много неожиданных наблюдений. Например, анализ характера Смердякова: присущая его мышлению в высшей степени комбинаторность и плановость связаны с его профессией повара. Как полноценный, активно действующий герой романа, как литературная исповедь и как литературная провокация рассматривается поэма Ивана Карамазова «Великий инквизитор», в пределах романного мира «Братьев Карамазовых» ищется ответ на вопрос, что, собственно говоря, позволено, кому и по какому праву. В финальных эссе П. Фокин обращается к «Дневнику писателя», который сам Достоевский рассматривал как «форму изучения подробностей текущего», а практическую направленность видел в том, чтобы с его помощью «улучшить жизнь и самого себя», «стать русским во-первых и прежде всего». В «Дневнике» Достоевский размышлял о проблеме восстановления национальной личности, во «всемирной отзывчивости видел» уникальную черту русского характера, национальной русской идеей считал общечеловечность. Вслед за К. Мочульским Фокин рассматривает выдвинутый тем тезис, что идеология «Дневника» в значительной мере определила собой направление политики царствования Александра III, поворот просвещенного общества, деятелей культуры и властей лицом к России и русскому народу. В 1863 году, рассказывая о Лондонской всемирной промышленной выставке, Достоевский писал: «Вы чувствуете, что много надо вековечного духовного отпора и отрицания, чтобы не поддаться, не подчиниться впечатлению, не поклониться факту и не обоготворить Ваала, то есть не принять существующего за свой идеал». Мир, провозгласивший в качестве главной цели человеческое благополучие, по мнению писателя, перестал быть миром людей. Сюжет о воскрешении человека, которое начинается с воскрешения Бога, для Достоевского, по утверждению П. Фокина, стал главным и последовательно реализовался им в судьбе каждого персонажа.

**Испанская грусть: Голубая дивизия и поход в Россию, 1941–1942 гг.:
воспоминания В. И. Ковалевского / Под ред. О. И. Бэйдь, Ш. М. Нуньеса
Сейшаса. М.; СПб.: Нестор-История, 2021. — 208 с.: ил.**

Владимир Иванович Ковалевский (1892–?), кадровый офицер, прошедший Первую мировую войну, революцию не принял, воевал против большевиков, в 1920 году покинул Россию с армией Врангеля. Затем служил во Французском иностранном легионе, участвовал в испанской гражданской войне на стороне генерала Франко. Он искренне поверил, что Гитлер хочет избавить Россию от «безбожной власти» большевиков. И летом 1941 года записался в качестве переводчика в испанскую 250-ю дивизию, известную как Голубая дивизия. Реалии жизни мирного русского населения «под испанцами» привели к крушению иллюзий и осознанию собственной неприглядной роли. После 1944 года след Ковалевского теряется. Неизвестна дата смерти, нет ни одной фотографии. Редакторы-публикаторы постарались максимально полно восстановить биографию Ковалевского, тщательно прокомментировали его мемуары и в обширной (более половины книги) вступительной части подробно рассказали о месте белоэмигрантов в европейской истории и истории Испании в частности. В поле их зрения: деятельность РОВС (Русского общевойсковоего союза), идеологические расколы в среде белоэмигрантов, судьбы конкретных людей. Русские белоэмигранты в Испании — страница истории у нас малоизвестная. С 1917 года испанские власти, опасаясь проникновения революционных элементов, выбрали запретительную позицию в отношении подданных бывшей царской империи, бегущих от революций и войн. В 1930 году в Испании

проживал 171 русский. Участие русских в испанской гражданской войне 1936—1939 годов на стороне Франко — за националистов и против большевиков — было скорее символическим. Франкистские власти неохотно принимали русских офицеров, не признавали прежние чины и военный опыт, и офицеры тянули лямку рядовых, материальное положение их было скверным. По максимальным оценкам, на стороне франкистов сражались от 150 до 170 русских белых, из которых 19 погибли. На другой стороне было 285 русских, и не только эмигранты. Подробно изложена история Голубой дивизии, названной так по форменным рубашкам синего цвета. Предоставив Германии на Восточном фронте эту дивизию добровольцев, пожелавших бороться на стороне немцев против СССР, де-юре Испания сохраняла нейтралитет. 13 июля 1941 года дивизия, насчитывавшая 18 693 человека, отбыла из Мадрида в Германию для военной подготовки. Уже 28 августа 1941 года была доставлена в Сувалки (Польша). С октября 1941 года до августа 1942 года занимала позиции севернее и южнее Новгорода по реке Волхов и озеру Ильмень. Именно такой путь проделал и В. Ковалевский. Немецкое руководство, Гитлер резко относилось к идее службы русских эмигрантов в своих вооруженных силах. Гестапо запретило русским эмигрантам, проживавшим на территории рейха, въезд на историческую родину без предварительного разрешения. Сложно, но Ковалевскому удалось добиться зачисления в Голубую дивизию. В целом на русский фронт пришли 47 тысяч испанцев, из которых 5 тысяч осталось в земле навсегда. Мемуары Ковалевского — это «русский взгляд» на испанскую войну. Он шел, чтобы освободить страну от сталинской тирании. Первые впечатления: беспредельное обнищание крестьянства, но и сохранившийся семейный уклад, физически и морально здоровая молодежь. Он испытал все тяготы окопной войны: бытовые неудобства, голод. Пайки разграбляли вышестоящие чины, до солдат они не доходили. Он видел, как малодисциплинированные испанские солдаты превращались в бандитов, мародеров: выпрашивали, меняли или просто крали у населения еду, вещи, последнюю живность. Испанцы после голода в своей стране пришли в Россию есть «белый хлеб». Автор не предвзят, публикаторы отмечают, что испанские солдаты часто оказывались замешанными в мародерстве, доклады немецких представителей при дивизии, свидетельства русского населения единогласно отмечают горячую страсть испанцев к хаотичному воровству и кражам. Ковалевский считает, что «со времен открытия и завоевания Америки в славной испанской традиции укрепилось особое представление о правах победителей на собственность населения покоренных стран: поэтому права русских для них были едва ли более достойными уважения, чем права индейцев Перу и Мексики». А еще он писал: «Испанская паника — это особая паника на грани истерики, когда глохнут способности разума и человек превращается в зверя». Ковалевский видел руины Новгорода, разграбленные библиотеки, храмы, здания. Ему пришлось работать в отделе, ведавшем антипартизанской борьбой, при капитане, одержимом жадной лавров и устраивающем инсценировки нападений партизан с последующей поимкой «виновных», допросами и казнями. Как переводчик подсказывал ответы, искренне пытался помочь русским в отношениях с испанцами. Он стал свидетелем того, как расстреливали ни в чем не повинных людей. Быстро пришло осознание, что в большинстве случаев против своей воли он служит скорее орудием зла, чем помощи. Одно из мучительных его воспоминаний — выселение бездомных из монастыря: при выходе «кучка солдат ожидала женщин, набрасывалась на них и отнимала все ценное, что они имели, — кольца, браслеты, серьги. Но больше всего меня возмутил поступок одного солдата, который схватил у маленькой девочки 6—7 лет коробочку с ее добром и, увидев, что там нет ничего ценного, бросил с презрением все на снег. Бедная девочка рыдала навзрыд. Я не мог воздержаться. Только присутствие немца и его помощь спасли меня,

чтобы не быть избитым этими грабителями, мы обратили их в бегство». Его мучили сомнения: действительно ли советская власть так ненавистна русскому народу, что порабощенное население ждет только момента, чтобы какой бы то ни было ценой сбросить это ярмо? А если нет? «В таком случае мы, пришедшие сюда, играем более чем некрасивую роль, предавая свою Родину и служа врагу». Весной 1942 года Ковалевский, физически больной и морально разбитый, вернулся в Испанию. Полвека его рукопись спала глубоким сном в Испании, чтобы позже затеряться среди бумаг русского издательства США. Ее публикация в 2019 году вызвала громкий скандал в Испании. Она опровергала существующий в исторической памяти Испании образ «добрых оккупантов», миф, в котором легионеры Голубой дивизии рисуются военными профессионалами, благородно общавшимися с местным населением. Представления о «хороших», иных оккупантах остается очень популярным в самой Испании. Да, указывают публикаторы, испанцы не прибегали к массовым репрессиям, не предавали огню деревни, их жителей, посевы и скот, но и «сердобольными» героями, какими их хотят видеть потомки, не были. В конце концов, испанская оборона помешала снять удавку с шеи блокированного Ленинграда, вымиравшего от голода, а к населению южане относились лишь немногим лучше регулярных германских или коллаборационистских частей. Война за историческую правду продолжается. Пройдя пять войн, более всего Ковалевский был шокирован именно последней, о которой и написал «в стол» свои мемуары, полярно противоположные рассказам ветеранов Голубой дивизии о своих сердечности и благородстве в России.

Яков Гордин. Русский человек и Кавказ: Триста лет войны и мира.

СПб.: Ленидат, Книжная лаборатория, 2021. — 664 с.: ил. — (Тайны русской истории).

Писатель и историк Яков Гордин размышляет о роли Кавказа в судьбе России и роли России в судьбе Кавказа. Российско-кавказская драма, считает он, одна из самых ярких и горьких в нашей истории. Истоки конфликта, обернувшегося в XIX веке тяжелой шестидесятилетней войной, уходят во времена Персидского похода Петра I (1722 год). Весь XVIII век Кавказ воспринимался как периферия русско-турецких и русско-персидских войн, на фоне которых шли бессистемные попытки подчинить Кавказ влиянию Петербурга. Классический период Кавказской войны связан с вхождением в 1801 году в состав империи Грузии. Против просьб грузинских властителей выступали Александр I и его «молодые друзья», настоятельно рекомендовал принять Грузию Государственный совет. Александр колебался пять месяцев. Центральная идея была чисто благотворительная: спасение, благоустройство и просвещение единоверного народа. В то же время необходимость защиты новой территории от набегов горцев и вторжений со стороны Ирана и Турции делало неизбежным введение на территорию Закавказья крупных воинских контингентов, а значит, и большую войну. Парадоксально, но завоевание Кавказа Я. Гордин называет неким историческим недоразумением. Основная территория Северо-Восточного Кавказа, особенно Дагестан, переселенцев из России не прельщала. Даже если бы она вдруг оказалась свободна от коренного населения. Это — не Крым и не Поволжье. Основная масса переселенцев в Предкавказье, в том числе и казаков, была помещена туда директивным путем — для закрепления и охраны территории. Так что же увлекало Россию на Кавказ? Непримиримый враг самодержавия и самый последовательный ученик Петра I П. Пестель видел это так: безопасность, коммуникации, торговые пути, ворота в Азию. Была и другая, прагматичная причина притягательности Кавказа для русского дворянина. По-

сле окончания войны с Наполеоном русский дворянин, недавний участник крупного исторического действия, в условиях мира, не находя выхода энергии, не видя достойной задачи, испытывал психологический дискомфорт. Я. Гордин пишет о кавказской утопии, ставшей следствием глубокой неудовлетворенности реальностью и отчасти романтической идеологии и породившей миф о Кавказе как сфере высокой самореализации. Кавказ с его гордым, вольным, буйным населением, с его природой, принципиально отличной от классической среднерусской, стал той иной сферой, иным миром, который сулил психологический выход из бытового тупика. Я. Гордин рисует совершенно особый, уникальный мир с парадоксальными отношениями — жестокости, благородства, вероломства. В этом мире солдаты Куринского полка, кавказская элита, могли в базарной драке принять сторону чеченцев против солдат другого полка, заявив: «Чеченцы — наши братья, мы с ними двадцать лет деремся!» Тогда родился особый тип людей — «русские кавказцы», патриоты Кавказа. Одним из простейших, но важных признаков слияния с краем было подражание горцам в одежде. Пушкин и Лермонтов на кавказских автопортретах изображали себя в бурке. В этой книге много героев, чьи воля и взгляды определяли ход войны: безжалостные каратели, хитроумные политики, гуманисты. Засс, Раевский-младший, Цицианов, Гудович, Ртищев, Ермолов, Бястинский, Воронцов, Фадеев. Среди героев и Пушкин, Лермонтов, Л. Толстой, художественно осмыслившие события, участниками которых были сами. Среди героев и горцы вольных горских общин, и ханы-деспоты — их мировидение, самоощущения, религиозно-историческое сознание. Широко использованы мемуары. Достижим ли был мир на Кавказе? Поиски решения шли постоянно. Со стороны России использовалось все: блокады, карательные операции, уничтожение аулов, подкуп горских владетелей. Жестокость проявляли обе стороны. Вояжи русских императоров на Кавказ успеха не приносили: одни требовали безусловного подчинения законам империи, другие отстаивали свои неотъемлемые права, в первую очередь право на набеги (фактически на разбой и грабеж) как одну из основ своего благосостояния. Я. Гордин пишет о том, как ситуация на Кавказе виделась из Петербурга и как на месте. Он анализирует противоречивую политику русских властей — экономическую, силовую, военную, — вызванную и частой сменой командующих Кавказским корпусом, и малой связью с живыми понятиями местных жителей. Приводит проекты замирения горцев, точки зрения военных-профессионалов, общественных деятелей, публицистов, историков. Самой тяжелой жертвой несостоявшегося компромисса стали черкесы-адыги, насельники Западного Кавказа. В 1864 году исчезла кавказская Атлантида, Черкесия: изгнание горцев из привычной среды обитания, с родных мест стало катастрофой для горцев, пятном для России. На Кавказе остались 700 тысяч горцев, 4 миллиона переселились в Турцию. Многие погибли. Историческая драма глазами исследователя. России нужен был союзный, лояльный, мирный Кавказ, необязательно жестко включенный в имперскую структуру, но таковым Кавказ быть не мог в силу психологической природы своего населения, традиций, обычаев, религиозных представлений, наконец, экономических потребностей. Путь к миру и справедливости на Кавказе, считает Я. Гордин, лежит через историческую правду. В восстановлении правдивой картины кавказско-российского прошлого судьба черкесов — одна из наиболее тяжелых проблем. «Потомки сталкиваются с тяжкими последствиями событий, которые стимулировали их отдаленные предки. Такова расовая проблема в США. Такова проблема исламского радикализма. Такова проблема Кавказа для России». В настоящее издание вошли избранные очерки из трех ранее опубликованных книг: «Кавказ: земля и кровь» (2000), «Зачем России нужен был Кавказ» (2008), «Кавказская Атлантида» (2011).

Людмила Ивонина. Яркий закат Речи Посполитой: Ян Собеский, Август

Сильный, Станислав Лещинский. М.: СПб.: Нестор-История, 2020. — 184 с.: ил.

Ян III Собеский (1629–1696) и ныне культовая фигура в Польше, при жизни его сравнивали с античными и библейскими героями. Под его командованием коалиция христианских держав 12 сентября 1683 года сокрушила под Веной турок и навсегда остановила продвижение Османской империи в глубь Европы. Август Сильный (1670–1733) — безрассудный воин, политик-интриган, зависимый от России и Швеции, ненасытный любовник и покровитель искусств. Действительно сильный, он мог согнуть руками подкову. Станислав Лещинский (1677–1766) — король-просветитель, единственный, кто стремился править страной не в личных интересах, а на благо народа. Людмила Ивонина рассказывает о родословных и семьях своих героев, об их образовании, интересах и личной жизни. Детальный анализ их государственной и военной деятельности органично вплетается в канву столетий барокко и Просвещения. Они прожили бурную жизнь. Ян Собеский, не приемля Переяславскую Раду, воевал против Русского государства, сражался с Османской империей, во время шведского нашествия 1655 года («потопа») сначала был на стороне шведского короля Карла Густава, а затем — против интервентов. В 1674 году провозглашен королем польским и великим князем литовским. Это он в надежде приобрести могущественного союзника в противостоянии османам пошел в 1686 году на заключение «Вечного мира» с Россией. Речь Посполитая отказывалась от притязаний на Левобережную Украину, Смоленск и Чернигово-Северскую землю, Киев, Запорожье. Польская сторона получила за Киев 146 тысяч рублей. У Яна Собеского были великие победы и горькие поражения в войне и дипломатии. При нем Речь Посполитая в последний раз пережила взлет как европейская держава. В конце его правления литовских магнатов заботила не столько борьба с турецкой угрозой, сколько выяснение отношений друг с другом. После смерти правителя в Великом княжестве Литовском произошла гражданская война. Чтобы занять польский престол, курфюрст Саксонии, протестант Август перешел в католицизм. Его попытки внутренних реформ обернулись провалом, что позволило Российской империи усилить влияние в этом регионе. В ходе Северной войны (1700–1721) Август, связанный военным союзом с Петром I, неоднократно заключал тайные соглашения со своим противником Карлом XII. После поражения в битве со шведами в 1706 году Август был принужден заключить со шведами мир, отрекся от польского престола в пользу Станислава Лещинского и расторг союз с Россией. После Полтавской битвы Август возобновил союз с Петром и при его содействии возвратился на престол, но по-прежнему, будучи формально союзником России, заключал направленные против нее тайные союзы. При нем вопрос принадлежности прибалтийских земель решился в интересах России. При Августе II в Речи Посполитой началась крайняя степень анархии: стремление Августа усилить королевскую власть вызвало выступления части шляхты и магнатов против монарха. Л. Ивонина пишет о вкладе Августа в культурное развитие Саксонии: дворцовый комплекс Цвингер, знаменитые музеи Дрездена. Это при саксонском дворе алхимик Беттгер вместо золота первым в Европе изготовил фарфоровые изделия — мейсенский фарфор. Имя Августа связано со многими культурными памятниками. По чистой случайности стал королем Станислав I Лещинский (1704): на переговорах он приглянулся завоевавшему Польшу Карлу XII. Шляхта Лещинского не приняла. Когда Август II вернул себе корону Польши, Лещинский эмигрировал в Пруссию, а затем во Францию. В августе 1725 года его дочь Мария вышла замуж за короля Франции, и ему было назначено новое еженедельное пособие

в размере двух тысяч ливров. В политике не принимал участия, занимался философией. После смерти Августа Сильного в 1733 году Франция поддержала претензии Лещинского на престол. Против выступили Россия и Австрия. Между коалициями началась война за польское наследство (1733—1735). Лещинский бежал в крестьянской одежде в Пруссию, в 1736 году отрекся от титула короля польского и великого князя литовского. Людовик XV дал ему во владение Лотарингию, ее столица Нанси стала столицей просвещения, Лещинский развернул там грандиозное строительство. Персонажи этой книги — живые лица со своими страстями и увлечениями. Романтична история любви Яна Собеского к своей жене Марысенке. Среди ярких метресс-авантюристок Августа наиболее известна графиня Козель, после изгнания из «рая» полвека проведенная в заточении в Штольпенской крепости как государственная преступница. Политику, менталитет и повседневную жизнь незаурядных героев книги определяло бурное и динамичное время. Вторая половина XVII века — первая половина XVIII века — это эпоха войн. Тринадцатилетняя русско-польская война за контроль над западнорусскими землями (1654—1667), затем Польско-казацко-татарская война (1666—1671), Польско-турецкая война (1672—1676), Северная война (1700—1721). В книге есть все: битвы, интриги, секретные переговоры, бесконечная дипломатическая и военная «возня» вокруг Речи Посполитой различных коалиций. И яркие личности. Есть и ответ на то, почему и как в конце XVIII века с карты мира исчезло более чем на век уникальное государство. Польское государство с его сарматско-шляхетской демократией не выдержало испытания суровой политической реальностью. Польские магнаты часто ставили личные амбиции выше государственных интересов, и во время крайней внешней опасности страна была не в состоянии организовать свою оборону. Польша стала идеальной территорией для свободных прогулок любого иностранного войска и для его содержания за счет разобщенного населения. Постоянная междоусобица была благодатной почвой для вмешательства иностранных дипломатов. Объединить элиты короли не смогли. В заключение — судьба Польши после смерти Августа Сильного: усиление анархии, гражданская война, вызвавшая интервенцию соседних держав и три раздела Польши между Австрией, Пруссией, Россией. Россия инициатором не была. Сквозная тема — Россия и Польша.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург. Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)